

Синтаксис славянских языков: система и функционирование

Опыт формально-семантического объяснения дистрибуции союзов *как, что* и *чтобы* в сложноподчиненных предложениях с предикатами пропозициональной установки

И. М. Кобозева, Д. В. Попова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Можно ли объяснить варьирование союзов *как, что, чтобы* в предложениях с предикатами пропозициональной установки (далее ППУ) в русском языке действием достаточно общих правил, обуславливающих взаимодействие характеристик главного и придаточного предложений не только в русском, но и в других языках? Рассмотрев формально-семантическую трактовку связи семантики ППУ с выбором наклонения в придаточном предложении, предложенную Д. Ф. Фаркаш [Farkas 2003], объяснение влияния семантики сентенциального отрицания на этот выбор, данное О. Каган [Kagan 2007] и концепцию семантики изъяснительных союзов, выдвинутую И. М. Кобозевой в [Кобозева 1988], мы покажем, что распределение союзов *как, что* и *чтобы* может быть объяснено только в рамках анализа, учитывающего все три упомянутых фактора.

1. Дистрибуция союзов *как, что* и *чтобы* в предложениях с ППУ

Рассматриваются четыре группы глаголов, каждая из которых демонстрирует определённое распределение союзов *как, что* и *чтобы*:

А. Глаголы восприятия в своём основном значении, а также нек. др. ППУ (напр., *полнить*) присоединяют зависимые клаузы с союзами *как* и *что* в утвердительных предложениях, и с союзами *как, что* и *чтобы* — в отрицательных предложениях:

- (1) *Он видел, как / что / *чтобы она села в автобус.*
- (2) *Он не видел, как / что / *чтобы она села в автобус.*

В. Глаголы мнения, а также пугативные ЛСВ предикатов восприятия (напр., *видеть, чувствовать* в значении глаголов мнения, основанного на чувственных данных) сочетаются с союзом *что*, но не с союзом *как* в утвердительных предложениях, и с союзами *что* и *чтобы* — в отрицательных предложениях:

- (3) *Я думаю, *как / что / *чтобы он пришёл.*
- (4) *Я не думаю, *как / что / *чтобы он пришёл.*

С. Деидеративные глаголы (*хотеть* и т. п.), деидеративные ЛСВ многозначных глаголов (напр., *ждать*), глаголы речи с деидеративным компонентом (напр., *требовать*) присоединяют зависимое предложение только с помощью союза *чтобы*:

- (5) *Я хочу, *как / *что / *чтобы он пришёл.*
- (6) *Я не хочу, *как / *что / *чтобы он пришёл.*

Д. Глаголы знания, например, *понимать, догадываться*, и фактивные эмотивы, такие как *сожалеть*, сочетаются только с союзом *что*:

- (7) *Я сожалею, *как / что / *чтобы он пришёл.*
- (8) *Я не сожалею, *как / что / *чтобы он пришёл.*

Сам факт того, что различные семантические классы ППУ характеризуются разным набором союзов, свидетельствует о влиянии семантики ППУ на выбор союза. Кроме того, выбор союза чувствителен к наличию сентенциального отрицания. Наконец, выбор союза обусловлен, по нашему мнению, и семантикой самого союза, о чем свидетельствует как различие в интерпретации предложений, различающихся только союзами (см. примеры типа 2 и 4), так и сдвиги, происходящие в семантике ППУ в зависимости от союза (см. напр., выдвигание на первый план ментального компонента в значении глаголов восприятия при союзе *что*).

2. Семантика ППУ и наклонение в придаточном предложении

Различия в употреблении союзов *как* и *что*, с одной стороны, и союза *чтобы*, с другой, сводятся к различиям в

употреблении индикатива (1, 3, 7) и сослагательного наклонения (пример 5) соответственно. В работе [Farkas 2003] зависимость выбора наклонения в придаточном предложении от семантики ППУ объясняется с позиций динамической семантики — направления на стыке формальной семантики и формальной прагматики, которое исследует, какой вклад вносит семантика отдельных выражений в изменение набора убеждений, разделяемых коммуникантами (см. в частности [Heim 1992]). Выбор наклонения определяется двумя семантическими характеристиками придаточного предложения, зависящими от управляющего им ППУ и касающимися потенциала изменения контекста, которым оно характеризуется: ассертивность и определённость ([+/-Assert] и [+/-Decided]) соответственно в терминах Фаркаш). Выбор наклонения регулируется двумя ограничениями:

- (9) а. *сослагательное наклонение / [+Decided]
- б. *индикатив / [-Assert]

Эти ограничения по-разному иерархически упорядочены в разных языках. Так, в румынском языке ограничение (9а) выше в иерархии, чем (9б), а во французском и испанском иерархия обратная. Теория оптимальности предсказывает выбор наиболее «оптимального» наклонения, то есть того, запрет на которое ниже в иерархии. Поэтому в румынском языке придаточное предложение фактивного глагола эмотий с характеристиками [-Assert, +Decided] стоит в индикативе, а во французском — в сослагательном наклонении. Если принять, что в русском языке, как и в румынском, (9а) >> (9б), то распределение наклонений (и соответственно союзов) в утвердительных предложениях будет предсказываться верно. Однако анализ Фаркаш не объясняет ни возможности использования *чтобы* в отрицательных предложениях с глаголами восприятия и мнения, ни разницы в значении отрицательных предложений в зависимости от выбора *что* или *чтобы*, и к тому же не различает придаточные с союзами *что* и *как*.

3. Семантика сентенциального отрицания

В [Kagan 2007] была предпринята попытка расширить анализ Фаркаш так, чтобы он объяснял случаи появления сослагательного наклонения и, соответственно, союза *чтобы* под отрицанием в предложениях с ППУ мнения. Согласно Каган, в (4) сентенциальное отрицание меняет признак [+Assert] на признак [-Assert]. Это приводит к тому, что, наряду с мирами, в которых истинна пропозиция «он пришёл», миры, в которых истинна пропозиция «он не пришёл», становятся совместимыми с видением субъектом реальности. Таким образом, вложенная пропозиция характеризуется как [-Decided], и используется сослагательное наклонение. Мы предлагаем модификацию данного подхода, которая объясняет, почему в придаточных в случаях типа (6) и (8) отрицание никак не влияет на выбор союза. Для этого достаточно принять, что отрицание не меняет семантические характеристики придаточного с признаком [-Assert]. Однако даже при таком дополнении данный анализ не объясняет, почему в предложениях типа (2) и (4) может быть использован как союз *что*, так и союз *чтобы*.

4. Семантика союзов

Дистрибуция союзов *как* и *что* в индикативе и союзов *что* и *чтобы* в отрицательных предложениях не может быть объяснена без обращения к семантике самих союзов. В [Кобозева 1988] предлагается считать подчинительный союз 'актуализатором' денотативного статуса пропозиции, указывающим на следующие референциальные характери-

стики вложенной пропозиции: ситуация / факт, реальная / нейтральная модальность, известность / неизвестность, ассертивность / имплицативность. Согласно этому анализу, союзы *что* и *как* различают вложенные пропозиции со статусом «факта» и «ситуации» соответственно, а союз *чтобы* берёт факты с нейтральной модальностью относительно говорящего и с модальностью маловероятности или ирреальности по отношению к субъекту пропозициональной установки, или, на языке динамической семантики, союз *как* берёт вложенные пропозиции, которые ассертивно или пресуппозиционально истинны в мире, максимально близком к реальному (W_0), союз *что* берёт пропозиции, которые ассертивно или пресуппозиционально истинны в мире убежденный субъекта (E^{su}), а союз *чтобы* сочетается с пропозициями [-Decided].

Структурные и семантические особенности посессивных сложных синтаксических целых в русском языке

А. В. Короткова

Ставропольский государственный университет (Ставрополь, Россия)

Сложное синтаксическое целое, посессивность

Summary. Peculiarities of realization of possessive categorial semantics in complex syntactical wholes in Russian are explored in the paper.

На нынешнем этапе развития русской языковой системы сложное синтаксическое целое выступает как формирующаяся грамматикализованная единица, имеющая в своем составе воспроизводимые структуры [Малычева 2004]. Однако требованию воспроизводимости отвечает лишь небольшая доля ССЦ, поэтому мы склонны рассматривать ССЦ как речевую единицу, представляющую собой содержательное (тематическое), структурное и функциональное единство.

На наш взгляд, реализация некоей категории в масштабах ССЦ характеризуется набором специфических характеристик. Мы исследовали этот вопрос на примере категории посессивности.

Анализ показал, что в посессивном ССЦ раскрывается не единичное посессивное значение или набор значений, а цельная категориальная ситуация посессивности одного из четырех типов:

- 1) денотативно-посессивная: имеет посессивную природу на денотативном уровне, т. е. является репрезентацией посессивного события, имевшего место в действительности (реальной или виртуальной);
- 2) сигнификативно-посессивная: интерпретируется как посессивная благодаря избранным языковым средствам, однако описывает непосессивное событие;
- 3) презумптивно-посессивная: актуализируется в ССЦ в виде небольшого фрагмента, играет важную роль для корректного понимания всего ССЦ, основывается на прагматической или контекстуальной презумпции;
- 4) комитативно-посессивная: выполняет сопроводительную роль для главной ситуации, пронизывает все ССЦ, основывается на фоновых знаниях участников коммуникации об описываемом фрагменте действительности, включающий посессивный компонент.

С точки зрения композиции образцовой моделью посессивного ССЦ является такая, где все элементы (зачин, основная часть, концовка) посессивно-положительные, т. е. участвуют в реализации посессивной семантики. ССЦ также признается посессивным, если два из трех элементов посессивные. Непосессивными являются ССЦ, в которых два из трех элементов композиции имеют посессивно-отрицательный статус, за исключением редких ССЦ, в которых основная часть имеет ярко выраженную посессивную направленность, а зачин и концовка — «надпосессивную», т. е. они формулируют тему, которая раскрывается через посессивную ситуацию.

В основе посессивной ситуации, раскрывающейся в ССЦ, может лежать объективное посессивное событие либо субъективное мнение, суждение, сообщение об этом событии, в соответствии с чем посессивные ССЦ разделяются на объективно-посессивные и субъективно-посессивные. Для последних релевантной является позиция говорящего. По-

учёт всех трёх факторов — семантики ППУ, семантики отрицания и семантики союза — позволяет объяснить все варианты распределения союзов в русском языке действительном небольшого количества универсальных семантических правил.

Литература

- Кобозева И. М. Отрицание в предложениях с глаголами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. С. 82–98.
- Farkas D. F. Assertion, Belief and Mood Choice // ESSLLI. Conditional and Unconditional Modality Workshop, Vienna, 2003.
- Heim I. Presupposition projection and the semantics of attitude verbs // Journal of Semantics. 1992. № 9. P. 183–222.
- Kagan O. On the Semantics of Structural Case. Ph. D. dissertation. Hebrew University. Jerusalem, 2007.

скольку ССЦ — единица полифоничная, таких субъективных позиций может быть несколько. В отдельных случаях объективно-посессивные фрагменты могут сочетаться с субъективными в рамках одного ССЦ.

Рассмотренные аспекты реализации посессивной категории в ССЦ позволяют нам сформулировать признаки эталонного посессивного ССЦ:

- 1) воплощает денотативно-посессивную ситуацию;
- 2) обладает полной композиционной структурой, каждый элемент которой (зачин, основная часть, концовка) — посессивно-положительный;
- 3) является объективно-посессивным.

Датчанин, бродяга Курт по прозвищу Баночник, оставил после себя состояние в \$ 2 000 000. При жизни чудак-ватый бомж собирал пустую тару и тратился только на еду. На остальные деньги Курт покупал и продавал акции, и весьма успешно. Ему принадлежали две старинные усадьбы. А в банковской ячейке лежало 128 золотых слитков. Они достанутся двоюродному брату Курта. (Телесемь. 08.04.2010).

ССЦ описывает посессивную ситуацию, имевшую место в действительности, т. е. денотативно-посессивную. Зачин намечает посессивную микротему «оставить наследство». Основная часть раскрывает, каким образом было нажито состояние, и уточняет, что именно оно включает. Концовка, хотя и не выделяется специальными синтаксическими средствами, завершает данное единство в смысловом аспекте: раскрывает, кому состояние достанется. Анафорическое местоимение *они* объединяет все названные объекты посессии, а посессивный глагол *достанутся* предсказывает их переход к новому владельцу. Ситуация представляется объективно-посессивной, т. е. независимой от позиции говорящего.

Посессивные ССЦ, отличные от эталонного типа, имеют разную степень аутентичности. В зависимости от степени ослабления каждого из рассмотренных признаков (онтологическая природа категориальной ситуации, посессивный статус элементов композиционной структуры, объективность / субъективность представления ситуации в ССЦ) выделяются посессивные ССЦ первого, второго и третьего порядка.

Поскольку исследование проводилось на примере категории посессивности, сделанные выводы мы считаем справедливыми применительно именно к ней. Экстраполяция разработанной модели представляется возможной, но требует дальнейшего изучения.

Литература

- Малычева Н. В. Сложное синтаксическое целое как формирующаяся единица синтаксиса // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Филологический факультет МГУ, 18–21 марта 2004 г. [<http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/?id=13&type=doc>].

Неопределенно-личные предложения и категория эвиденциальности

Е. Н. Никитина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Перцептивный модус, аудио-канал, закрытый зрительный канал, прямой и косвенный источник информации, поэтика синтаксического нуля $O_{зрл}$

Summary. The talk proposes the idea that Russian sentences with zero subjects $O_{зрл}$ used within perceptual modus reflect a sort of relationship between the category of definiteness / indefiniteness and evidentiality. The talk discusses linguistic and poetic aspects of sentences with zero subjects $O_{зрл}$.

1. Степень определенности (конкретности) пространства-времени в разных видах искусств обсуждалась Б. А. Успенским. Было показано, что словесные жанры располагают способностью перекодировки пространственного параметра во временной в силу своих имманентных свойств, а именно представления пространства временной последовательностью: производство словесного произведения (речь, письмо) и восприятие (слушание, чтение) протекают во времени. Отсюда вопрос о степени конкретности элементов **пространства** (героев) в словесном произведении (нос Гоголя, кот Бегемот Булгакова), а тем самым, «зрительно-объемного» (Ю. М. Лотман) представления их.

2. Пространственно-временная позиция говорящего получает выражение в рамках коммуникативного регистра, репродуктивный регистр характеризуется совпадением времени действия, наблюдения и речи (Г. А. Золотова). Если регистр является характеристикой текста, то характеристикой говорящего является тип модуса (Н. Д. Арутюнова). Перцептивный модус соответствует репродуктивному регистру. Наблюдение (реализация свойств сенсорных каналов: зрение, слух, обоняние и т. п.) терминологизировано так: общеперцептивный модус (зрительный канал) и частноперцептивный модус (остальные виды перцепции) (М. Ю. Сидорова).

3. Интересно, что проблема «зрительно-объемного» воображения элементов пространства возникает в нереалистической литературе. Нас же будет интересовать вопрос о степени конкретности (определенности) элементов внешнего, воспринимаемого перцептивно пространства в реалистическом изображении, в рамках перцептивного модуса, репродуктивного регистра.

4. Категория эвиденциальности связана с грамматическим выражением источника знания, информации. Ее база — соединенность модуса речи и модуса восприятия по зрительному каналу в одном субъекте — при (возможном) временном расхождении этих модусов: переход от зрительного наблюдения к речи, от (чужой) речи к (своей) речи — пересказывательность. В лингвистической литературе уже отмечалось, что реальную неопределенность субъекта действия несут неопределенно-личные предложения с предикатами — глаголами с звуковой семьей (Я. Г. Тестелец). Логическим продолжением наблюдения Я. Г. Тестельца может стать та идея, что в рамках перцептивного модуса предложения типа *В дверь постучали, Тебе звонят* передают соединенность наблюдения и речи в условиях отсутствия зрительного канала (по слуховому каналу), что делает это похожим на вариант «от речи к речи», чем снижается «эвиденциальный

статус», информационная значимость этих предложений — ср. с поговоркой «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

5. Посредством неопределенно-личных предложений решается вопрос о степени конкретности действующих субъектов (диктальных) как элементов пространства. Если в нереалистичность изображения связана с их «непредставимостью» для читателя, то в языковой категоризации «непредставимость» субъекта действия (его невербализованность, выраженность синтаксическим нулем) обусловлена отсутствием зрительности, его бытием в смежном по отношению к наблюдателю пространстве. В условиях перцептивного модуса дистанция временная (характерная для эвиденциальности — между временем действия и временем речи) уступает место **дистанции пространственной — смежное пространство** (время действия, наблюдения и речи совпадает).

6. Другие категоризованные предикаты для передачи реальной неизвестности субъекта действия — девербативы с той же семантикой. Обычно работают с субъектным нулем либо неопределенными множественными именами в Род. субъектном.

7. В поэзии девербативы частноперцептивной (слуховой) семантики используются для обрисовки ночной обстановки (отсутствие зрительности), которые открывают стихотворные тексты, ср. хрестоматийные *Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы* Пушкина, *Шопот, робкое дыханье* Фета. Авторские тактики состоят в переходе от обрисовки физической невозможности видеть и «физического» незнания каузаторов звука к изображению ментального состояния экзистенциального непонимания (Пушкин), в переходе от приоритета слуха к зримости, а тем самым от ночного к рассветному времени — в переходе, который обуславливает развитие сюжета — от свидания к расставанию (Фет). Синтаксические субъектные нули при девербативах осмысляются определенно-лично (поэт и его возлюбленная) либо обобщенно-лично.

8. Р. О. Якобсон разграничил разные типы сообщения о событии в рамках категории эвиденциальности — на основании: сообщения другого лица (цитация), сна (откровение), догадка (предположительность), на собственном опыте (память). Этот ряд можно продолжить, приведя в качестве еще одного признака сообщение о слуховом наблюдении в условиях закрытого зрительного канала. Его основные средства — неопределенно-личность и девербативы с частноперцептивной (звуковой семантикой) семантикой.

О једном типу испољвања вишеструке негације у сложеним реченицама

Ј. Петковић

Универзитет у Крагујевцу (Крагујевац, Србија)

Вишеструка негација, временска клауза, везник док, антериорност

Summary. In this paper we will try to determine some of the types of multiple negation in complex sentences using examples excerpted mainly from the daily and periodical press. On this occasion, we will pay attention to only one specific type of complex sentences, i. e. complex sentences with time clauses introduced by the word *until*, having the meaning of anterior action of the subordinate clause in relation to the main clause and in which appears, both in the main and in the subordinate clause, negation of predicate. Our intention was to show the way how negation functions in this particular type, both in the main and in the subordinate clause, and what are the consequences of its translation into its affirmative pair on the time reference of this sentences and whether such translation is possible and on which it depends.

У раду ћемо, на примерима ексцерпираним углавном из дневне и периодичне штампе, покушати да одредимо неке од типова испољвања вишеструке негације у полипредикатским структурама. Циљ нам је да на основу већ спрове-

дених истраживања проблема функционисања вишеструке негације у монопредикатским структурама, како сопствених тако и истраживања других аутора, покушамо да осветлимо принципе функционисања вишеструке негације у полипре-

дикатским структурама, тј. у вишеструкосложеним реченичним структурама. Овом приликом пажњу ћемо посветити само једном специфичном типу сложених реченица, тј. сложеним реченицама са временском клаузом уведенном везником *док*, у значењу anteriорности радње зависне у односу на надређену клаузу, а у којима се и у зависној и у надређеној клаузи јавља негација предиката.

У раду ће бити дат и кратак преглед литературе у којој су се аутори бавили питањем употребе везника *док*, било за изражавање симултаности радње, било за изражавање постериорности зависне у односу на радњу надређене клаузе, када је могуће разликовати три структурна подтипа овакве употребе, било питањем употребе везника *док* у негираним временским клаузама са примарним значењем временске квантификације, у којима је предикат надређене клаузе у несвршеном виду, а зависне у свршеном.

Централни део рада чиниће разматрање проблематике сложених реченица са негираном временском *док*-клаузом, које и у надређеној клаузи морају да садрже негацију. На пример:

«Ништа не може ући у производњу *док не* добијемо одобрење наше контроле квалитета», каже Славица Радовић. (НИН 2002); *Нажалост, овај покушај није успео, пошто се једном захуктала машинерија није могла зауставити док не* оствари свој циљ. (НИН 2002¹)

Овакве сложене реченице, како је то у литератури већ примећено, јесу временске *док*-клаузе за изражавање anteriорности [Ковачевић 2010]. Наиме, без обзира на све остале синтаксичко-семантичке услове, као и на нијансе значења, сложене реченице са негираном временском *док*-клаузом и негацијом и у надређеној реченици увек ће обележавати хронолошку anteriорност реализације радње зависне у односу на радњу надређене клаузе, тј. радња завис-

не клаузе врши се увек пре радње главне клаузе, као што ће и наш корпус недвосмислено показати. Појава негације у надређеној клаузи нужно имплицира и појаву негације у временској *док*-клаузи, *док* импликација у обрнутом смеру није апсолутна.

Намера нам је да у овом раду на основу корпуса од 250 примера оваквих реченица, ексцерпираних углавном из дневне и периодичне штампе и једним делом из књижевних текстова, покажемо како у њима функционише употреба негације и у надређеној и у зависној клаузи и какве последице по временско значење оваквих реченица има њихово превођење у афирмативне пандане, као и да ли је такво превођење увек могуће и од чега оно зависи.

Анализа ће показати да се сви примери могу поделити у четири категорије на основу критеријума (не)перфективности предиката у надређеној и зависној клаузи и њихових међусобних комбинација, те да овакве временске клаузе реченичну предикацију детерминишу у погледу временске квантификације са значењем терминативности.

Литература

- Антонић И. Временска реченица. Нови Сад, 2001.
 Ковачевић М. Синтакса сложене реченице у српском језику. Београд; Србиње, 1998.
 Ковачевић М. Сложена реченица са временском зависном реченицом у значењу постериорности // Српски језик. XV / 1–2. Београд, 2010. С. 77–103.
 Милошевић К. Улога аспекатског значења у представљању хронолошке детерминације у сложеној реченици са темпоралном клаузом у српскохрватском језику // Књижевни језик. 11 / 2. Сарајево, 1982. С. 49–61.
 Пипер П. Заменички прилози, Граматички статус и семантички типови // Језичке студије. Радови Института за стране језике и књижевности. Св. 5. Нови Сад, 1983.

Строевые слова, выражающие таксономические отношения, и гиперонимы в идентифицирующей функции

И. С. Сенина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Строевые слова, классификаторы, гиперонимы, идентифицирующая функция, дейксис

Summary. Some structural words such as classifiers and nouns of genre semantic can function to identify things apart from functions of predicates. The report is devoted to the special positions for identifying function of such words. They resemble deictic words in these positions and remain optional in these cases.

Среди знаменательных слов есть те, которые в силу особенностей семантики склонны выполнять служебные функции, выражая определенный тип отношений, подобно служебным частям речи. Эти слова можно классифицировать как строевые и разделить их на несколько типов в зависимости от выражаемых отношений и образуемых конструкций [Всеволодова 2000: 40–47]. Особо выделяются те имена, которые выражают таксономические отношения, — классификаторы и некоторые имена-экспликаторы, а также родовые слова, выступающие как строевые в определенных позициях (вопрос о разграничении данных разновидностей особо не рассматривается, см. опыт подобного разграничения [Сенина 2010], [Сенина 2011]. Проблема остается в целом малоизученной): *дело, ситуация, история, случай, явление, событие, факт, акт, действие, операция, процесс, вид, обстоятельство, ощущение, чувство, порода, признак, принцип, свойство, способность, форма, элемент, период, стадия, состояние, тип, шаг, категория, понятие, идея, фактор, феномен, продукт, натура, персона, субъект, фигура, существо, лицо; человек, мужчина, женщина, ребенок...* Для строевых слов характерна предикатная функция (в составе дескрипций — об актуальном для данной работы использовании термина «дескрипция» см. [Всеволодова, Куликова 2009] — и предикатов таксономической характеристики), но некоторые перечисленные гиперонимы регулярно выполняют и **идентифицирующую функцию**, оставаясь факультативными (см. разделение предикатной и идентифицирующей функции [Арутюнова 1976: 326–356]):

1. В качестве соотносительного слова при присоединении придаточной части (часто в сочетании с указательным местоимением): *Игрой индивида можно считать то, в чем его деятельность не определена социальными нормами, такая **деятельность**, где правила устанавливает он сам* (НКРЯ); *Под нарушениями порядка в судебном заседании понимаются **такие действия**, которые проявляются в неуважении к суду...* (НКРЯ).
2. В качестве соотносительного слова при присоединении причастного оборота: *Но **обстоятельства**, связанные с Зинаидой Ивановной, наводят на мысль, что разгадка тайника у нее* (НКРЯ); *Читателю в таком случае надлежит реконструировать события повествования из **признаков**, содержащихся во всем нарративном конституировании...* (В. Шмид).
3. В качестве обобщающего слова: *Очень важно оценивать кедры по комплексу **признаков** — урожайности семян <...> и интенсивности роста...* (НКРЯ); *Вместо жидкого напитка в рот сыплются какие-то засохшие **насекомые**: червяки, тараканы и комары* (НКРЯ).
4. В сочетании с местоимениями-кванторами: *Другой **способ** — горячий, когда сырье заливают водой...* (НКРЯ); *Слегка поддержать Америку, заявив, что будут приветствоваться **любые действия**, направленные на достижение мира...* (НКРЯ);
5. В сочетании с указательными местоимениями при отсылке к контексту: *Сохранять свою культуру можно различными способами. Одна из наиболее популярных форм та-*

- кой деятельности* — фестивали (НКРЯ); *Восемь тысяч — высота критической. Поэтому успешное восхождение на такую гору считается особой доблестью* (НКРЯ).
6. В составе вводных сочетаний, выстраивающих логику построения текста: ...*Патрик <...> проехал мимо своих механиков <...> Второе происшествие, <...> случилось на последних кругах* (НКРЯ); ...*литературы было мало. И второе немаловажное обстоятельство. Мы начали смешивать понятия режиссерского и <...> авторского театра* (НКРЯ).
7. В пояснительной конструкции с отношениями включения *такой...*, как [Русская грамматика 1980: 175]: ...*Прежде всего обращают внимание на ощущения, т. е. на такие состояния, как восприятие цвета, звуков, вкуса и т. п.* (НКРЯ); *Профессия и такое свойство, как жадность к искусству, питают моё желание ходить на выставки* (НКРЯ).

Гиперонимы в идентифицирующей функции указывают на реалии, которые уже поименованы или будут поименованы. Потому основной тип возможных трансформаций связан с заменой их местоимением: *восхождение на такую гору считается особой доблестью* → *восхождение туда считается особой доблестью*; *Но обстоятельства, связанные с Зинаидой Ивановной...* → *Но то, что связано с Зинаидой Ивановной...*; при субстантивации местоименных и порядковых прилагательных классификаторы также факультативны: *Второе происшествие, повлиявшее...* → *Второе, повлиявшее...* Факультативность классификаторов при выполнении идентифицирующей функции отличает их от

родовых слов в тех же позициях, за исключением позиции обобщающего слова и обстоятельства с указательным местоимением (см. выше): ср. ...*Нет такой женщины, которая могла бы стать для него Единственной на всю жизнь* (НКРЯ).

Таким образом, в большинстве данных позиций строевые слова выступают как действительные единицы, указывающие на контекст или речевую ситуацию. В позициях для идентификации сказывается специфика гиперонимов, способных выступать в качестве строевых слов, выражающих таксономические отношения.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Всезолодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Всезолодова М. В., Куликова Е. В. Грамматика словосочетаний в контексте функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 4.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. II. М., 1980.
- Сенина И. С. К вопросу о типологических разрядах русских существительных: классификаторы и родовые слова // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов / Под ред. А. А. Кретьева. Воронеж, 2011. С. 279–285.
- Сенина И. С. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2011» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова [Электронный ресурс]. Секция «Филология». М., 2011. С. 427–429.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс: <http://www.ruscorpora.ru>].

Модели синтаксических фразеологизмов с опорным компонентом — частицей *ось* в украинском языке

А. В. Ситарь

Донецкий национальный университет (Донецк, Украина)

Синтаксический фразеологизм, украинский язык, фразеологизированное предложение, частица

Summary. The phraseological sentence potential of the particle *ось* in the Ukrainian language has explored. Models of syntactic idioms with the component *ось* have highlighted, and their semantic features have considered.

Синтаксические фразеологизмы (или фразеологизированные предложения) — особый тип предложения, состоящий из постоянной и изменяемой частей, характеризующийся идиоматической связанностью компонентов, ослабленностью или утратой на современном этапе развития языка синтаксических связей и прямых лексических значений слов, фиксированным порядком слов, функционированием преимущественно в текстах разговорного, художественного и публицистического стилей [Величко 1996]; [Всезолодова 2002]; [Личук 2001; [Русская грамматика 1980] и др.

Одной из активно используемых в речи групп синтаксических фразеологизмов являются предложения с неизменяемым компонентом-частицей. Задачи данного сообщения — выделить модели синтаксических фразеологизмов с частицей *ось* в украинском языке, установить их типовую семантику.

Анализ фактического материала свидетельствует, что частица *ось* (ср. русск. *вот*) входит в состав неизменяемой части 10 моделей синтаксических фразеологизмов, которые можно объединить по частеречному статусу изменяемого компонента в четыре группы. По нашим наблюдениям, частица *ось* редко выступает единственным стержневым компонентом синтаксического фразеологизма (см. модели *Ось N₁ Сор_F* и *Ось Adv_{pr} Сор_F*), чаще она употребляется в соединении с другими частями речи (например, *так, и*), образуя составную частицу (ср. квалификацию А. А. Загнитко составных частиц типа *що за, та й що* как частиц-фразем [Загнитко 2011]).

1. Группа субстантивных синтаксических фразеологизмов объединяет четыре модели.

1.1. Модель *Ось N₁ Сор_F: Ось новість! Куріоз! Ось диво природниче! Пан раціоналіст, безбожник — чорта кличе!* (Иван Франко). Такие предложения преимущественно передают оценку говорящим определенной реалии или ситуации и часто реализуются с заполненной позицией согласован-

ного определения: *Ліноці. Ось справжній двигун прогресу!* (<http://demotivators.org.ua/b/v/104661>). Кроме аксиологического, подобные предложения могут выражать **параметрическое** значение: *А на Волині — ось така бульба! ...на полі жителя села Рудка-Козинська Рожницького району Миколи Хотимчука вродила просто гігантська картопелька!* (Високий замок. — 23.10.2008).

1.2. Модель *Ось так N₁ Сор_F: Ось так демократія... І це є нормальним? А ми все віримо в краще???* («Беркут» змив бютівські мети через дорогу від суду // Українська правда, 5.09.2011: http://www.pravda.com.ua/news/2011/09/5/6562265/view_comments/page_1/) (негативное оценочное значение).

1.3. Модель *Ось N₁ так N₁ Сор_F* имеет значение полного соответствия / несоответствия реалии или ситуации представлениям говорящего о ней: *Сплавляючись по річці, порибалю, поплаваю в джерелах, залізу на вулкан!! Ось відпочинок так відпочинок!!! І не треба мені ні Червоного моря, ні теплого піску. Вдома краще!* (http://neoplan.com.ua/rasskazy/69172-V_Egipet_nikogda.html).

1.4. Модель *Ось (тобі / вам) й / і N₁ Сор_F* (скобками обозначаем факультативность компонента). Предложения, построенные по этой модели употребляются для передачи несоответствия реалии или ситуации представлениям говорящего: *А я оце по рудниках гасав, хотів кріпильного лісу добути для свинарників. Ніхто не дає! Ось тобі й зближення, ось тобі й ліквідація протилежності між містом та селом. Як ми для рудників, так і н'яте, і десяте, а вони хоч би шефство над нами взяли та лісу кубів скільки відпустили* (Олесь Гончар).

2. Глагольные модели с частицей *ось* по сравнению с субстантивными употребляются более ограниченно, поскольку являются уже специализированными — они передают отрицательную / положительную оценку говорящим действий участника(ов) ситуации.

2.1. Модель *Ось так* V_f: **Оце так дохазяйнувалися!** Ну просто-таки класичний банкрут! (Дзеркало тижня. — 25–31.10.2003).

2.2. Модель *Ось V_f так V_f* является непродуктивной, в собранном материале зафиксированы единичные примеры: **Ось відповіли, так відповіли** — фундаментально (Поетичні майстерні. Коментарі, 14.10.2007: <http://maysterni.com/user.php?id=682&t=4&type=3&p=7>).

2.3. Модель *Ось (тобі / вам) ї / і V_f: Ось і поговорили...* Як перший віце-прем'єр з мером «компліментами» обмінювався (Високий замок. — 09.11.2006).

2.4. Императивная модель *Ось тобі / вам (ї / і) V_{2 imp}*, в отличие от других глагольных синтаксических фразеологизмов, не передает оценку, она выражает модальное значение невозможности: **Ось тобі і заробок! Ось тобі жий та будь!** Ой господи, і як се я душі не згубив по дорозі, то й сам уже не знаю! (Иван Франко) (= Так нельзя жить и существовать).

3. Среди наречных предложений представлена только одна модель — *Ось Adv_{pr} Cop_r*, с помощью которой говорящий выражает отрицательную оценку ситуации в целом, при этом позиция наречия заполнена лексемой с положительным аксиологическим значением: **Ха, ха, ха! Ось гарно: двоє мерців зійшлося, що за життя любилися і по смерті одно за друге не забули, а зійшовшись, не мають що ліпшої роботи, як сваритися** (Иван Франко).

4. Наименее продуктивной оказалась адекватная модель *Ось (тобі / вам) ї / і Adj₁ Cop_r*: **Сама ж слухала його. Ось тобі й косоплечий! Ось тобі й зубатий та розсміяний!** (Павло Загребельний) (контаминация позитивной оценки и уступки = Он мне нравится несмотря на его недостатки).

Интересным представляется факт несовпадения количественного и качественного состава проанализированных предложений и моделей синтаксических фразеологизмов с еще одним эквивалентом русской частицы *вот* — *оце* (об особенностях 15 моделей с частицей *оце* см. работу [Ситар 2011]), что может стать предметом дальнейшего исследования.

Литература

- Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М., 1996.
- Всеволодова М. В., Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. — М., 2002.
- Загнітко А. Части в системі службових частин мови: типологічний і лексикографічний вияви // Лінгвістичні студії. Вип. 22. Донецьк, 2011.
- Личук М. І., Шинкарук В. Д. Ступені фразеологізації речень. Чернівці, 2001.
- Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М., 1980.
- Ситар Г. Фразеологізованореченнєвий потенціал частки *оце* в українській мові // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Вип. 100. Кіровоград, 2011.

Пространственные показатели типа *внутри* — *снаружи*: особенности употребления

В. В. Столярова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Дейксис, наблюдатель, пространственные наречия

Summary. There are four types of usage of Russian locative adverbs *внутри*, *изнутри*, *снаружи*, *наружу*, *внутрь*. Each functional type determines not only the meaning of an adverb, but also its syntactic characteristics. The second functional type is the only one which includes point of view, and only in the first two functional types adverbs are used as anaphors.

Данная работа посвящена семантическим и грамматическим характеристикам слов *внутри*, *снаружи*, *изнутри*, *внутрь*, *наружу* в тех случаях, когда они указывают на физическое, материальное пространство и используются самостоятельно (то есть как наречия в традиционном понимании), как, например, в контексте (1):

(1) *Николай остановился перед домом, постоял минуты две, и наконец зашел **внутрь**.*

При выделении типов употребления анализируемых единиц использовались два критерия:

1. Указывает ли наречие просто на какое-то помещение / объект или же на перемещение в пространстве;

2. Каким образом наречие описывает это пространство — как некоторое закрытое помещение или же как плоский объект.

На основе этих двух критериев выделяются 4 «круга употребления», четыре функциональных типа наречий:

1. Наречие указывает на пространство *внутри* / *снаружи* плоского объекта / помещения / вместилища. В контексте (2) *внутри* указывает на помещение за дверью:

(2) *Дмитрий Иванович постучал в дверь. **Внутри** кто-то зашевелился.*

2. Наречие указывает на перемещение из полого объекта / помещения / вместилища или в него. В примере (3) наречие *изнутри* отсылает к уже упомянутому кошельку:

(3) *Петр открыл кошелек. **Изнутри** выпала какая-то карточка.*

3. Наречие обозначают пространство внешней / внутренней стороны какого-либо плоского объекта. Так, в контексте (4) наречия *снаружи* и *внутри* обозначают внешнюю и внутреннюю стороны двери соответственно:

(4) *Дверь была выкрашена в коричневый цвет **снаружи**, и желтый цвет **изнутри**.*

4. Наречие обозначает воздействие на внешнюю / внутреннюю сторону какого-либо плоского объекта. В примере (5) *снаружи* указывает направление воздействия на старые ставни:

(5) *Ставни были очень ветхими и легко открывались, стоило их подтолкнуть **снаружи**.*

Распределение анализируемых слов по кругам употребления можно представить в виде таблицы:

	Первый круг употребления	Второй круг употребления	Третий круг употребления	Четвертый круг употребления
Внутри	<i>Внутри</i>		<i>Внутри</i>	
Изнутри	<i>Изнутри</i>	<i>Изнутри</i>	<i>Изнутри</i>	<i>Изнутри</i>
Снаружи	<i>Снаружи</i>	<i>Снаружи</i>	<i>Снаружи</i>	<i>Снаружи</i>
Внутрь		<i>Внутрь</i>		
Наружу		<i>Наружу</i>		

Таким образом, слова *изнутри* и *снаружи* могут использоваться во всех кругах употребления. Слово *внутри* является локативным наречием и используется преимущественно в первом и третьем кругах употребления, а слова *внутрь* и *наружу* — только во втором круге употребления.

Различие между кругами употребления лежит не только в значении наречий. Ключевым отличием второго круга употребления от остальных является то, что именно в этом круге

в значение наречий входит фигура наблюдателя и, более того, от реальной позиции наблюдателя зависит выбор между наречиями. Для наречий *внутри* и *наружу* характерно совпадение субъекта действия и наблюдателя. Так, в контекстах (1) и (6) Николай является одновременно и субъектом действия, и наблюдателем, с точки зрения которого оценивается ситуация.

(6) *Николай услышал шум во дворе и выглянул **наружу**.*

Для наречия *снаружи* и *изнутри* свойственна относительная ориентация: субъект действия и наблюдатель, а также их пространства не совпадают. Так, в контексте (7) наблюдатели находятся внутри помещения и слышат, как кто-то кричит на улице.

(7) *Мы прислушались: снаружи доносились какие-то пугающие крики.*

Таким образом, наречие *снаружи* используется в тех случаях, когда находящийся внутри помещения наблюдатель видит входящего в это помещения субъекта действия, а наречие *изнутри*, напротив, в тех случаях, когда субъект из этого помещения выходит, а сам наблюдатель находится вне этого помещения. В остальных случаях используются наречия *внутри* и *наружу*.

Точка зрения и позиция наблюдателя влияют не только на выбор того или иного наречия говорящим, но и на некоторые грамматические особенности предложений. В частности, наречия *изнутри* и *снаружи*, как и другие дейктические слова с относительной ориентацией, не употребляются с глаголами в первом лице. Кроме того, они стоят преимущественно в теме предложения, в то время как наречия *внутри* и *наружу* тяготеют к позиции ремы.

Ключевое отличие между первым-вторым и третьим-четвертым кругами употребления заключается в том, что только в первых двух кругах употребления анализируемые наречия являются анафорами, то есть отсылают к уже упомянутому пространству. Впрочем, согласно другой точки зрения эти слова в независимом употреблении являются предлогами: отсутствие существительного объясняется эллипси-

сом или сочетанием «с нуль-формой анафорического компонента» [Всеволодова и др. 2003: 32] (в таком случае нулевое местоимение, а не слова *внутри*, *снаружи* и т. д. является анафором). Таким образом, проводится аналогия с предлогами в контекстах типа *Тебе чай с сахаром или без?*

Однако подобная интерпретация частеречной характеристики слов типа *снаружи* — *изнутри* наталкивается на два противоречия. Во-первых, сочетаемость предлогов не совпадает с сочетаемостью наречий. Так, например, фраза *Он положил книгу внутри стола* сомнительная, в то время как вполне корректно выражение *Сначала он положил книгу на стол, но потом решил спрятать ее внутри*. Во-вторых, интерпретировать анализируемые слова только как предлоги невозможно и потому, что наречия *внутри*, *изнутри* и *снаружи* в третьем и четвертом кругах употребления не являются анафорами и не имеют валентности на существительное.

Итак, как показал анализ наречий *внутри*, *изнутри*, *снаружи*, *наружу*, *внутри*, только в случае описания физического пространства эти слова могут иметь до 4 типов значений. От принадлежности к одному из четырех кругов употребления зависят также и грамматические характеристики слов и их сочетаемость.

Литература

Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.

К вопросу о функционировании личных местоимений в современном болгарском и русском диалоге

Е. В. Тимонина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Личные местоимения, пропуск подлежащего

Summary. Bulgarian language belongs to the category of so called pro-drop languages: there can be omitted the subject. The article deals with the analysis of omission / not-omission of personal pronouns in part of subjects as in Bulgarian, so in Russian.

Грамматические описания современного болгарского языка на многие вопросы, возникающие в связи с употреблением местоимений, дают очень общие ответы, которые оказываются недостаточно полными при практическом освоении языка. К таким вопросам относится, например, функционирование личных местоимений именительного падежа, их использование / неиспользование в составе предложения. В грамматике Ю. С. Маслова (может быть, наиболее доступной для русскоязычной аудитории) читаем: «Если указание на лицо говорящего или собеседника не входит в ремю, местоимения 1-го и 2-го лица в именительном падеже обычно отсутствуют, в обратном же случае эти формы не могут быть опущены» [Маслов 1981: 343]. При этом не уточняется, что значит «обычно отсутствуют» и при каких условиях не входящее в ремю указание на лицо говорящего или собеседника оказывается выраженным местоимением 1-го или 2-го лица. В обстоятельной монографии Р. Ницоловой «Българските местоимения» отмечается: «Местоимения 1-го и 2-го лица обозначают референты, определенные в речевом акте, и поэтому, если они опускаются, глагольные окончания в болгарском языке могут компенсировать их отсутствие. Пропуск / наличие именительных форм личных местоимений обуславливается как структурно-семантическими факторами (грамматикализованные модели), так и грамматическими, семантическими и актуально-синтаксическими факторами на уровне текста. Эта сложная проблематика должна стать предметом специального исследования...» [Ницолова 1986: 43]. Автор перечисляет грамматикализованные модели, для которых, по его мнению, в современном болгарском языке четко фиксируется употребление / неупотребление личных местоимений 1-го лица ед. ч.:

1) определенно-личное предложение — местоимение обязательно опускается;

- 2) предложение, соответствующее определенно-личному и оказывающееся начальным в данном абзаце или тексте — местоимение обязательно присутствует;
- 3) предложение, соответствующее определенно-личному, но имеющее в своем составе именное сказуемое с глаголом *съм* («быть») — местоимение присутствует очень часто;
- 4) предложение, соответствующее определенно-личному, но имеющее в своем составе подлежащее, выраженное местоимением 1-го лица, на которое падает логическое ударение при противопоставлении или сопоставлении — местоимение обязательно присутствует.

Сформулированные Р. Ницоловой (и частично воспроизведенные автором в новой монографии [Ницолова 2008]) положения представляются весьма ценными, сопоставление же с ситуацией в русском языке может сделать их особенно полезными в процессе обучения русскоговорящих студентов болгарскому языку.

В данной работе сопоставление осуществлено с помощью статистических методов [Янакиев 1977]. Исследование ограничивается диалогическим стилем и только местоимениями 1-го лица ед. ч. Для сопоставления используются равноценные эксерпты (по 15 килофон каждый) из русского и болгарского диалога. Русский массив представляют Вс. Вишневский, Е. Шварц, М. Горький, В. Шукшин, А. Вампилов и эксерпт из естественных диалогов, записанных без ведома участников разговора и опубликованных в книге «Русская разговорная речь». Болгарский диалог представляют Б. Балабанов, П. Вежинов, М. Величков, Б. Райнов, Н. Хайтов и эксерпт из естественных диалогов, записанных без ведома собеседников и хранящихся в фонде факультета славянской филологии Софийского университета. (Из прозаических произведений берется диалог без авторской речи, для дра-

матургических произведений делается допущение, что каждый мастер-драматург способен максимально точно имитировать естественную разговорную речь.)

Анализ текстов показывает следующее:

1. В болгарском диалоге в определенно-личных предложениях местоимение 1-го л. ед. ч. используется с очень стабильной средней частотой, при этом у всех авторов частота употребления местоимения *аз* в данном случае оказывается близкой к средней частоте употребления *аз* в естественном диалоге (1,4). Пропуск же местоимения оказывается не обязательным, но все же более частым, чем употребление местоимения (для естественного диалога отмечается средняя частота 2,93); в болгарском диалоге в рассматриваемом случае личное местоимение 1-го л. ед. ч. употребляется реже, чем в русском (в русском и болгарском естественных диалогах употребления местоимения различаются в 4,2 раза).
2. В случае, когда предложение оказывается начальным в данном абзаце или тексте, в болгарском диалоге рассматриваемое местоимение вовсе не присутствует обязательно, как полагает Р. Ницолова, а наоборот появляется очень редко (средние частоты составляют от 0,13 до 0,73 при 0,47 для естественного диалога). Если сравнивать русский и болгарский диалог, то имеющийся материал показывает, что местоимение 1-го л. ед. ч. в позиции, которую условно можно назвать «абзац», появляется в болгарском диалоге реже, чем в русском (для естественного диалога это различие составляет 4,8 раза).
3. Для случаев, когда сказуемое является именным и имеет в своем составе глагол *съм*, материал, характеризующий болгарский диалог, показывает, что средняя частота появления местоимения *аз* равна 1,2 (вряд ли это соответствует предположению Р. Ницоловой о том, что в этой

позиции местоимение присутствует очень часто). В русском же диалоге картина иная: средняя частота появления местоимения — 3,4;

4. Случаи, когда подлежащее выражено местоимением и при этом на подлежащее падает логическое ударение (например, при противопоставлении или сопоставлении), в анализируемых фрагментах недостаточно многочисленны, чтобы можно было подвергнуть их статистической обработке.

Если вспомнить приведенное выше рассуждение Р. Ницоловой о способности глагольных окончаний в болгарском языке компенсировать отсутствие местоимений 1-го и 2-го л. в именительном падеже, то может возникнуть предположение, что в русском языке глагольные окончания обладают такой же способностью и поэтому в сочетании с формами прошедшего времени, где глагольные окончания в русском языке не различают лица, формы личного местоимения 1-го л. ед. ч. будут употребляться чаще, чем в сочетании с формами глаголов настоящего и будущего времен. Однако исследованный материал не подтверждает подобное предположение: в русском диалоге местоимение *я* в сочетании с формами прошедшего времени употребляется практически с такой же средней частотой (2,27 для естественного диалога), как и в сочетании с формами не прошедших времен (2,67 для естественного диалога), в то время как для болгарского естественного диалога это различие более существенно: 0,33 в сочетании с формами прошедших времен и 1,13 в сочетании с формами не прошедших времен.

Литература

- Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
 Ницолова Р. Българските местоимения. София, 1986.
 Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008.
 Янакиев М. Стилистика и езиковото обучение. София, 1977.

Прагматический аспект удвоения дополнения в современном болгарском языке

Г. А. Федорина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Удвоение дополнения, информационная структура

Summary. The paper discusses the clitic doubling constructions in the colloquial Bulgarian and its pragmatic function in the informational structure of a sentence. Following modern regards we accept that clitic doubling is a syntactic tool for topicalisation. We also point out some specific features of Bulgarian constructions in comparison with clitic doubling in some other languages.

Удвоение дополнения — отличительная черта современного болгарского языка, это явление давно привлекает внимание исследователей. Долгое время считалось, что подобные конструкции призваны решить проблему омонимичных подлежащего и прямого дополнения, возникшую после исчезновения системы склонения в болгарском языке. Современные исследователи, как правило, связывают удвоение дополнения с определенными типами информационной структуры высказывания.

В рамках теории информационной структуры высказывания выделяется два специфических информационно нагруженных элемента — топик и фокус, которые соотносятся как старая и новая информация. Порядок слов является одним из средств маркирования элементов с различными прагматическими функциями. В качестве нейтрального порядка слов для болгарского языка принимается последовательность подлежащее — сказуемое — дополнение, однако в реальной речевой ситуации возможны разнообразные трансформации этой модели. Начальная и конечная позиции в предложении связаны с синтаксическим кодированием информационно нагруженных элементов, поэтому в основном изменения в порядке слов связаны с перемещением топика или фокуса в начало или конец высказывания. Топик и фокус могут располагаться как в левой периферии предложения (в позиции перед глаголом), так и в правой (в позиции после глагола). В обеих этих позициях возможно явление удвоения дополнения.

В болгарском языке преобладают конструкции с удвоенным дополнением в левой периферии высказывания, подобные конструкции являются одним из средств топикализа-

ции. Дополнение в подобного рода высказываниях занимает начальную позицию, предназначенную для введения нового топика или для подчеркивания связи с уже введенным топиком.

Удвоение дополнения представлено прежде всего в разговорной речи. Многие исследователи привлекали в качестве иллюстрации своих утверждений примеры из болгарской художественной литературы (где прежде всего удвоение дополнения представлено в речи персонажей). Существуют также исследования удвоения дополнения в диалектах болгарского языка. Многие современные исследования посвящены дублированию дополнения в разговорной речи, одной из форм существования которой является Интернет-коммуникация. С языковой точки зрения коммуникация, осуществляемая на веб-форумах и чатах, является специфическим видом общения, максимально приближенным к устной коммуникации, а наличие на многих форумах собственных архивов дает доступ к большому количеству обсуждений, достаточному для исследования разговорных явлений. Материал, исследованный в рамках изучения конструкций с удвоением дополнения в болгарском языке, демонстрирует, что они различаются по степени маркированности. В большинстве исследованных примеров представлены случаи, в которых дублированное дополнение не имеет при себе показателей, специфическим образом маркирующих его в информационной структуре (*Нещата...Тях ги приемам като даденост*). Возможно, что использование дополнения наряду с клиткой в данном случае объясняется желанием говорящего обеспечить большую связь своего сообщения с предшествующим контекстом.

Прагматическая функция правой периферии состоит скорее в том, чтобы подчеркнуть кореферентность с уже имеющимся топиком высказывания. Правая периферия считается позицией, наиболее удаленной от остальной части предложения, она также может быть отделена от нее интонационно, если дополнение не выражено полной формой личного местоимения.

Удвоенное дополнение также может иметь при себе различные показатели, маркирующие его в информационной структуре высказывания. В качестве таких показателей чаще всего выступают сочинительный союз *и* со значением присоединения, противительные союзы *но* и *а* и синонимичные им союзы и наречия. При помощи этих средств дополнение маркируется либо как фокус (с союзом *и*), либо как контрастный топик высказывания (с противительными союзами). В таких случаях удвоенное дополнение всегда оказывается связанным с особым ударением. При этом удвоенное дополнение с союзом *и* возможно как в левой, так и в правой периферии предложения, а конструкции с маркерами контрастного топика возможны только в левой периферии.

Удвоенное дополнение и клитика могут располагаться по отношению друг к другу как контактно, так и дистантно. Дополнение может быть отделено от удваивающей его клитики семантически и синтаксически значимыми элементами (чаще всего подлежащим), что приводит к изменению информационной структуры высказывания и функции самого дополнения. В таких случаях, как *Нея скринишот не я лови*, дополнение характеризуется левой дислокацией. С точки зрения информационной структуры, левая дислокация об-

ладает очень сильной степенью воздействия на собеседника и играет важную роль в маркировании коммуникативно важной информации. Конструкциям с левой дислокацией дополнения свойствен прямой порядок слов. Так как дополнение и подлежащее в этом случае оказываются в одной и той же функции топика, то между ними образуется пауза, которая ослабляет связь между элементом в левой дислокации и остальной частью предложения. Клитика в следующем за паузой основном сегменте предложения анафорически отсылает к конститuentу в левой дислокации и поддерживает связь всей конструкции. В таких случаях возможно расширение дополнения до *що се отнася до* («что касается...»). В отличие от конструкций с удвоенным дополнением, левая дислокация дополнения не является специфическим болгарским или балканским явлением, она присутствует и в западноевропейских языках. При удвоении дополнения, как в примере *Тях ги гримират най-добрите гримьори* между дополнением и клитикой нет паузы, также удвоенное дополнение не привлекает логического ударения. Подлежащее, находящееся в конце предложения, включается в его ремагическую область. Клитика маркирует область аргумента и не выполняет анафорической функции. Такого рода конструкции являются специфически балканскими или болгарскими и не находят аналогий в романских языках.

Что касается правой периферии, то в болгарском языке удвоенное дополнение в этой позиции не может выделяться интонационно в случае, если оно выражено полной формой личного местоимения, в остальных же случаях такое выделение считается факультативным для болгарского языка.

Функционирование лексем пейоративной семантики в составе сложных фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия

А. Г. Хорошавина

Институт экономики, управления и права (Казань, Россия)

Фразеологизированные конструкции, сема, пейоративная оценка

Summary. In the paper the author considers the problem of using vocabulary with the semantics of pejorative evaluation consisting of complex phraseological constructions of substantiate disagreement.

В составе рассматриваемых нами структур есть элементы, выполняющие строевую функцию. К числу таковых в препозитивной части, наряду с частицей не относится номинатив. В связи с явным строевым характером этого элемента возникает вопрос: любая ли субстантивная лексема может занять эту позицию или существуют определенные ограничения? Если подобное ограничение есть, то в чем оно состоит?

Теоретически состав лексем, способных занять позицию Np препозитивной части этих конструкций, не ограничен. Однако весьма вероятно, что свобода лексического наполнения данной модели будет лишь относительной. Семантика модели, очевидно, будет накладывать определенные ограничения в использовании лексем, тем самым сужая их состав.

Компонент Np в препозитивной части конструкции является именным сказуемым (с нулевой связкой), т. е. этот компонент выполняет предикатную функцию. В позиции предиката обычно выступает субстантивная лексема. Подобная позиция ставит субстантив в ряд семантических предикатов (Н. Д. Арутюнова), для которых свойственна функция характеристики субъекта предложения.

В препозитивной части конструкции отрицается наличие у субъекта определенных качеств (качества), необходимых для выполнения действия, обозначенного в постпозитивной части.

Для выявления возможных ограничений лексического характера необходимо обратиться к анализу лексического значения слов, выступающих в функции предиката данной части конструкции.

Семантика модели (невозможность выполнения действия в силу отсутствия у субъекта необходимых для этого качеств) предопределяет использование в позиции Np имени с качественно-оценочным значением. Исследователи отмеча-

ют двойственность семантико-грамматической природы имен качества. Наш материал позволяет говорить о том, что субстантивные лексем, обслуживающие данную модель, носят в преобладающей массе **кваликативный** характер. Позиция предиката препозитивной части конструкции является идеальной для выполнения этой функции. Говорящий констатирует отсутствие у субъекта определенного качества, обозначаемого субстантивом. Констатация наличия или отсутствия определенного качества у данного субъекта есть характеристика, квалификация.

Субстантивные лексем, используемые в рамках рассматриваемой конструкции, мы разделили в соответствии с их семантикой на несколько групп. К первой группе нами отнесены собственно оценочные лексем, употребляемые для характеристики лица. Наиболее частотной в этой группе является лексема *дурак / дура*. Мы обратились к данным толковых словарей русского языка с целью сопоставить виртуальное значение и актуальный смысл данных знаков.

Основная масса примеров содержит данную лексему в своем исходном (первичном) значении, которое фиксируется словарями. Однако можно заметить, что в ряде случаев эти основные, ядерные семы являются чем-то вроде семантического фона, на котором ярче проступает сема зоны импликационала. Так, на основные семы 'человек' (гиперсема), 'тупой', 'глупый', 'неспособный мыслить' накладываются семы 'безынициативный', 'пассивный', 'покорный'. Актуализация этих сем связана в первую очередь с констатацией.

Наслоение определенных импликациональных сем на интенциональные обусловлено ситуацией речи. Мы полагаем, что значительную роль здесь играет семантика инфинитива, расположенного в придаточной части конструкции. Ситуация речи обуславливает употребление инфинитива, глагольной лексем, с определенными семантическими при-

знаками, которые в свою очередь, соприкасаясь с семантической структурой субстантива, притягивают те или иные импликационные семы последнего, тем самым актуализуя их.

Отметим, что появление импликационной семы в *дурак / дура* не является облигаторным. Значительная часть примеров демонстрирует употребление этих лексем с актуальным смыслом, тождественным словарному. В этом случае в зону актуального смысла данных языковых знаков входит лишь интенционал их лексического значения. Импликационные семы же остаются на периферии.

Наряду с *дурак / дура* используется слово *идиот* (реже *идиотка* — встречается только в разговорной устной речи). Эта лексема выступает семантическим эквивалентом лексемы *дурак*. Очевидно, по этой самой причине лексема *идиот* ведет себя подобно лексеме *дурак*. Она вполне заменяема словом *дурак*. В чем же различие? Язык дает незначительное количество полных синонимов. Лексемы *дурак* и *идиот*, по нашим представлениям не входят в их число. Лексема *идиот* выражает признак 'тупой', 'глупый' как более глубокий, усиливает его в сравнении с признаками, обозначаемыми словом *дурак*. Следовательно, оценочная лексема *идиот* будет восприниматься (и воспринимается) носителем языка как более обидная.

Лексемы *дурак / дура*, *идиот* являются наиболее употребительными в рамках этой группы. Широкое использование данных лексем носителями языка, на наш взгляд, обусловлено языковой картиной мира русского народа, в которой сформировано понимание всех поступков, не отвечающих

нормам (моральным, эстетическим, интеллектуальным), принятым в данном социуме, как следствия глупости лиц, их совершивших (совершающих). Следовательно, данному лицу приписывается признак 'глупый'. Возможно понимание ненормативных поступков и как следствия негибкости ума, его отсутствия, неспособности мыслить (иногда мыслить трезво, здраво). В этом случае лицо обозначается через признак 'тупой'. Очевидно, в языковой картине мира русского народа оба эти понимания поступков, отклоняющихся от нормы, слиты воедино, неразрывны.

Достаточно частыми оказываются случаи использования в позиции предиката не одиночной лексемы, а словосочетания. Чаще всего эти словосочетания носят фразеологический характер. В рамках данной группы нами зарегистрировано сочетание фразеологического типа *сукин сын*, носящее ярко выраженный бранный характер: *Я же не сукин сын, чтобы руки в ход пускать* (С. Цвигун. Мы вернемся).

«Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова не фиксирует значение данного сочетания фразеологического типа. Оно входит в обширный фонд бранной лексики русского языка. Носители языка используют его обычно для обозначения лица, способного на низкие поступки, лица, презирающего моральные законы. Приведенные примеры демонстрируют нам употребление сочетания *сукин сын* именно в этом значении.

Кроме указанных лексем в рассматриваемых конструкциях могут употребляться лексемы *сволочь*, *подлец*, *мерзавец*, носящие явно бранный характер, лексемы пейоративной оценки — *грязь*, *нахал*, *страхотлюдина*, *пакса*, *обжора* и т. д.

Problem strukturalnoga opisa rascijepjenih rečenica

T. Gazdić-Alerić, I. Ivas

Sveučilište u Zagrebu (Zagreb, Hrvatska)

Sintaksa, rascijepljene rečenice, struktura, gramatika, pragmatika

Govoreni se jezik, za razliku od pisanoga, često služi određenim tipom segmentiranih (podijeljenih) rečenica u kojima se cijepanjem sadržaj jedne propozicije izražava dvorečeničnom strukturom — sekvencom dviju surečenica od kojih svaka ima svoj predikat, lokalnu obavijesnu strukturu i relativnu prozodijsku autonomiju, čime se dodatno, sintaktičkim i prozodijским sredstvima, ističu određeni dijelovi iskaza. S komunikativnoga stajališta te strukture služe da bi se usmjerila pažnja slušatelja na određeni element rečenice, koji se s pomoću sintaktičke konstrukcije izdvaja i naglašava u odnosu na ostatak rečenice. Iz-

razito su stilistički, pragmatički i kontekstualno obilježene. Pokazuju govornikov društveni i govornički status te njegov odnos prema predmetu govora. Osobito su raširene u francuskome, talijanskome, engleskome, a odnedavno i u hrvatskome jeziku. Njihova je raširenost takva da ponekad tvore i vlastite forme prilagodene strukturi određenoga jezika.

Rascijepljene rečenice opisivane su u svim važnijim gramatikama engleskoga, francuskoga i talijanskoga jezika, ali u hrvatskome jeziku, iako u novije doba prisutne u govoru, još uvijek svoje mjesto nisu našle u njegovu gramatičkome opisu.

O procesie prepozycjonalizacji rzeczowników w językach słowiańskich (na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego)

C. Lachur

Uniwersytet Opolski (Opole, Polska)

Preposition, noun, prepositionalisation process, Polish language, Russian language

Summary. The process of prepositionalization of nouns in Slavic languages (the case of Polish and Russian). The expansion of secondary prepositions is one of important syntactic phenomena that have been observed in Slavic languages, particularly over the last decades. The category of preposition is actively complemented mainly by specific word-forms of other parts of speech (cf. *drogą eliminacji*, *tytułem pożyczki*, but also *w drodze eliminacji*, *z tytułu pożyczki*). The present paper offers an analysis, conducted on the material of Polish and Russian, of the status of such items and the relational potential of nouns as a source of prepositional units.

Rozwój językoznawstwa współczesnego umożliwia nie tylko pojawienie się nowych obiektów (i nowych aspektów) badań, lecz także powrót do takich kategorii języka, które w świetle dzisiejszych wyobrażeń (i przy wykorzystaniu współczesnych metod) są w stanie dostarczyć nowej wiedzy o zjawiskach dawno opisanych, których status i interpretacja są ustabilizowane i nie budzą wątpliwości. Jedną z takich kategorii jednostek w językach słowiańskich jest przyimek.

Zbadanie semantyki przyimków, ich właściwości systemowych i relacji przez nie sygnalizowanych stanowi ważny problem współczesnej lingwistyki, ponieważ w XX wieku zakres znaczeń i funkcjonowania przyimków uległ znacznemu rozszerzeniu. W słowiańskich językach literackich ma miejsce powolny, lecz głęboki proces zmian składniowych w zakresie

relacji przypadkowych. Funkcje wielu przypadków poddają się rozszerzeniu i zróżnicowaniu poprzez ich uzupełnienie połączeniami przyimkowymi. Konstrukcje bezprzyimkowe nader aktywnie wypierane są przez konstrukcje przyimkowe. Ekspansja przyimków wtórnych jest istotnym i charakterystycznym zjawiskiem składniowym, widocznym zwłaszcza na przestrzeni ostatnich dziesięcioleci.

W związku z tym w 2001 roku na pierwszym kongresie «Русский язык: исторические судьбы и современность», który odbył się w Moskwie, z inicjatywy Prof. Mai W. Wsiewołodowej językoznawcy z Rosji, Ukrainy i Białorusi zdecydowali o podjęciu prac nad wspólnym projektem badawczym pod nazwą «Восточнославянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Z czasem do tego zespołu dołączyli

filolodzy z innych krajów słowiańskich: Bułgarii, Serbii i Polski. Stąd też projekt nosi obecnie nazwę «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис».

Specyfika podejścia do obiektu badań polega na tym, iż uczestnicy projektu za podstawowy cel przyjęli nie analizę semantyki takich czy innych grup przyimków, a sporządzenie maksymalnie pełnego korpusu jednostek, które mogą pełnić funkcję przyimka w każdym lub w określonych warunkach kontekstowych (stanowiąc tym samym jego ekwiwalenty). Należy podkreślić, że jest to w zasadzie rejestr otwarty. Dla języka polskiego do chwili obecnej odnotowano funkcjonowanie około 4 tysięcy danych jednostek, ale ich korpus jest ciągle uzupełniany. Część z nich po weryfikacji należy zapewne z różnych przyczyn odrzucić, lecz na ich miejscu mogą natomiast pojawić się dodatkowe.

W literaturze językoznawczej przyjmuje się pojęcie przyimkowej jednostki języka. Są to takie formacje, które w wypowiedzeniach łączą się z co najmniej jedną, inną leksykalną jednostką. A zatem przyimkowe jednostki języka to takie jednostki, które — współtworząc wraz z konotowanymi przez nie elementami konstrukcje składniowe — otwierają miejsce dla prawostronnego i zmiennego kontekstu. W związku z tym powstają dwie kwestie teoretyczne: kwestia zmodyfikowanej w pewnej mierze definicji jednostki przyimkowej obejmującej także funkcjonowanie szeroko rozumianych przyimków wtórnych oraz kwestia rozgraniczenia przyimków bądź ich ekwiwalentów (a zwłaszcza „uprzyimkowionych” rzeczowników typu *drogą eliminacji*, *tytułem pożyczki*, *mocą ustawy* bądź wyrażen przyimkowych typu *w drodze eliminacji*, *z tytułu pożyczki*, *na mocy ustawy*) i przysłówków.

Obecna w literaturze przedmiotu definicja przyimka określa tę kategorię jako nieodmienny wyraz pomocniczy, niefunkcjonujący samodzielnie jako wypowiedzenie, który pełni funkcję łączącą i posiada rząd przypadkowy. Inaczej: przyimki to wyrazy pomocnicze, które umożliwiają wstępowanie w związki formalnoskładniowe wyrazom, które inaczej byłyby wzajemnie inkompatybilne (wiąże się z tym zagadnienie struktury przyimka, do czego należy jednak wrócić oddzielnie).

Kwestia druga: rozgraniczenie przyimków i przysłówków. Jest to o tyle istotne, że z punktu widzenia etymologii przyimki wtórne powstają z reguły poprzez przystosowanie się różnych części mowy (głównie rzeczowników, wyrażen przyimkowych czy przysłówków, ale także imiesłówów) do pełnienia funkcji przyimków. Przy tym brak jest precyzyjnego kryterium, które

umożliwiłoby odróżnienie tych dwóch kategorii na dzisiejszym etapie rozwoju języka.

W związku z tym należy zwrócić uwagę na następujący moment. Jak wiadomo, żadna gramatyczna klasa wyrazów nie może być wyizolowana, nie funkcjonuje poza kontekstem. Jednostki, które można jednoznacznie włączyć do określonej klasy gramatycznej, są nieliczne. Do takich jednostek, które nie poddają się jednoznacznej klasyfikacji lingwistycznej, należą przyimki i przysłówki. Wątpliwości nie wzbudza fakt, że decydującą rolę w zaklasyfikowaniu jednostki językowej do kategorii przysłówków lub przyimków odgrywa kontekst. Analizowany fragment tego kontekstu może być uważany za przysówek, jeżeli występuje on bez rzeczownika — jako samodzielny człon wypowiedzenia, lub za przyimek, jeżeli nie jest samodzielnym członem wypowiedzenia, występuje przy rzeczowniku, z którym łączy go rekcja.

Co stanowi podstawę do użycia w słownikach objaśniających kwalifikatorów „przyimek” i „w znaczeniu przyimka” i czy wystarczające są tylko te dwa kwalifikatory? Jakie zabiegi transformacyjne mogą służyć do określenia statusu tych jednostek?

Gramatyka tradycyjna daje wskazówki względem różnego podejścia do analizy jednostek przyimkowych. Jednakże przy tradycyjnym podejściu do tej kwestii większość jednostek pełniących w sposób systemowy funkcje przyimka znajduje się w ramach swojej części mowy, pozostając tym samym jak gdyby niezauważona. Okazuje się ponadto, że oprócz przyimków właściwych (pierwotnym i wtórnych) w języku funkcjonują także jednostki, które — pozostając w ramach swojej części mowy — mogą pełnić w określonych warunkach funkcje przyimka. Jednostki takie noszą nazwę ekwiwalentów przyimka i są reprezentowane przez dwie klasy jednostek: analogi przyimkowe i korelaty przyimkowe.

Stopień „uprzyimkowania” wyjściowo autosemantycznej części mowy może być różny, odpowiednio zatem potrzebne są metody operacyjne, które pozwalają określić, czy jest to przyimek, czy jego korelat, czy mamy do czynienia z jednostką, która przeszła do innej klasy morfologicznej — przyimków, czy też pełni funkcję przyimka, ale pozostaje w granicach swojej części mowy.

Artykuł prezentuje zarówno teoretyczne założenia procesu prepozycjonalizacji rzeczowników jako podstawowego sposobu rozwoju tej kategorii, jak też (na konkretnym materiale języka polskiego i rosyjskiego) relacyjny potencjał rzeczowników jako źródła jednostek przyimkowych w językach słowiańskich.